

Согласно воспоминаниям первоначального владельца тела, вчера вечером после окончания вечерней самоподготовки он отправился на шестой этаж, где складывали всякий хлам, потому что получил записку. В ней была всего одна фраза: «После самоподготовки приходи на шестой этаж, есть дело».

Стоит отметить, что в качестве отправителя был указан Хо Юйсяо.

Судя по устройству романа, семья Хо была богатейшей в Наньчэн, а семья Шэнь входила в первый эшелон наньчэнской элиты. Из-за связей между семьями Хо Юйсяо и первоначальный владелец были знакомы с детства. Хо Юйсяо являлся главным героем первоисточника, в то время как первоначальный владелец отводилась роль прихвостня главного героя — пушечного мяса, которое должно было погибнуть вскоре после начала сюжета.

Они были знакомы более десятка лет и всё это время оставались одноклассниками, поэтому первоначальный владелец отлично знал почерк Хо Юйсяо. Именно убедившись, что записка написана его рукой, он без малейших сомнений направился на шестой этаж.

Кто же знал, что этот поход обернется гибелью. Судя по воспоминаниям первоначального владельца, на шестой этаж его заманил именно Хо Юйсяо.

Но Шэнь Чэнмянь, прочитавший весь роман с высоты всезнающего автора, знал, что эту записку написал не Хо Юйсяо.

И первоначального владельца, конечно же, убил не Хо Юйсяо, хотя его смерть действительно была с ним связана.

В тот момент сюжет находился как раз вскоре после того, как главный герой-тот Ань Цзыму в одностороннем порядке влюбился в Хо Юйсяо. Из-за извращенной одержимости и чувства собственности он терпеть не мог никого, кто крутился возле Хо Юйсяо. Дольше всех с Хо Юйсяо был знаком именно первоначальный владелец, а потому ему не повезло стать первой жертвой Ань Цзыму и обладателем самой плачевной участи среди всех приятелей Хо Юйсяо.

Строчки на той записке Ань Цзыму вывел, подражая почерку Хо Юйсяо, а вчерашний пожар — дело рук людей, которых он нанял.

Тот Шэнь Чэнмянь из оригинального романа потерял сознание, запертый в кладовой. Когда кто-то наконец заметил возгорание и вытащил его, было уже поздно: к моменту прибытия в больницу он испустил дух.

Отец Шэнь и Мать Шэнь пришли в ярость. Хотя поджигателя в конце концов вычислили, записка с подписью Хо Юйсяо, оставшаяся в кармане брюк первоначального владельца, всё равно доставила Хо Юйсяо немало хлопот. Семья Шэнь прямо разорвала отношения с семьей Хо, а Отец Шэнь и Мать Шэнь из-за смерти сына покинули Наньчэн — это место, полное боли, — и уехали жить за границу.

Гибель первоначального владельца стала началом козней Ань Цзыму против Хо Юйсяо, а также, можно сказать, отправной точкой череды несчастий в жизни самого Хо Юйсяо.

Стоило Шэнь Чэнмяню перебрать в памяти всю эту информацию, как в голове снова затылочную часть пронзила тупая боль. Он с неприятным чувством помассировал переносицу, невольно вспоминая мерзкие поступки, которые Ань Цзыму творил в романе, из-за чего давление от одной мысли об этом чуть не подскочило.

Хо Юйсяо всё еще ждал его ответа. Его темные, глубокие глаза спокойно смотрели на Шэнь Чэнмяня, и во взгляде сквозило легкое беспокойство.

Возлюбленный главного героя Хо Юйсяо и правда оказался пай-мальчиком. Подавив охватившее его умиление, Шэнь Чэнмянь просунул пальцы в карман брюк и нащупал там ту самую записку.

Он сжал ее в ладони и уже собирался заговорить, как от дверей внезапно донесся голос Матери Шэнь:

— Мян-мян проснулся!

Отец Шэнь и Мать Шэнь вошли в палату с термосом наперевес и засыпали только что очнувшегося Шэнь Чэнмяня расспросами.

— Как себя чувствуешь? Ничего не болит? — Мать Шэнь с нежностью погладила Шэнь Чэнмяня по голове.

Отец Шэнь тут же поспешил достать свежеподогретую кашу:

— Со вчерашнего вечера ничего не ел, должно быть, проголодался? Это твоя любимая каша из белого гриба с семенами лотоса, тётушка Ван приготовила дома с утра и передала. Давай поешь немного.

Столкнувшись с заботой Отца Шэнь и Матери Шэнь, Шэнь Чэнмянь почувствовал себя не в своей тарелке: его собственные родители погибли, когда он был совсем маленьким, поэтому он практически не знал, что такое родительское тепло и внимание.

Поспешно вспомнив, как первоначальный владелец держал себя с родителями, Шэнь Чэнмянь проглотил подступивший к горлу ком и улыбнулся:

— Папа, мама, я в порядке.

Хотя в памяти всплывали обращения, которые он никогда в жизни не произносил вслух, благодаря воспоминаниям первоначального владельца слова сорвались с губ Шэнь Чэнмяня совершенно естественно, без малейшей фальши.

Мать Шэнь заметила его охрипший голос, и ее глаза мгновенно покраснели:

— Не разговаривай, сначала поешь каши. Врач сказал, твоему горлу нужно пару дней отдыха, прежде чем голос восстановится.

Шэнь Чэнмянь кивнул и молча принялся за еду.

— В этот раз мы обязаны по гроб жизни Сяо Юю. Если бы не он, заметивший пожар на шестом этаже, то... — Мать Шэнь осеклась. — Короче говоря, нужно как следует отблагодарить Сяо Юя, понял?

Спас первоначального владельца Хо Юйсяо? В оригинальном романе всё было совсем иначе — неужели всё изменилось из-за того, что он попал в эту историю?

В голове Шэнь Чэнмяня промелькнула эта мысль, но из-за обилия спутанных сведений он не стал заикливаться на подозрениях. Услышав слова Матери Шэнь, он с благодарностью улыбнулся Хо Юйсяо.

— На моем месте так поступил бы каждый, — беспристрастно произнес Хо Юйсяо, и, словно что-то вспомнив, его брови чуть приподнялись. — Впрочем... вчера, когда я подросел, дверь кладовой кто-то запер снаружи.

После этих слов лица Отца Шэнь и Матери Шэнь разом изменились.

Раз дверь заперли снаружи, значит, кто-то намеренно запер Шэнь Чэнмяня в кладовой, а раз там как раз начался пожар — очевидно, кто-то покушался на его жизнь!

Отец Шэнь и Мать Шэнь немедленно помрачнели.

Мать Шэнь тут же спросила:

— Мян-мян, с чего это тебя вчера понесло на шестой этаж? Я расспрашивала ваших учителей: это же просто складское помещение, туда сроду никто не ходит. Зачем ты туда побежал? Тебя кто-то позвал?

Взгляд Хо Юйсяо тоже устремился на Шэнь Чэнмяня.

Шэнь Чэнмянь слегка согнул пальцы — записка лежала в кармане брюк, но вытаскивать ее он не собирался.

В оригинальном романе именно из-за этой записки семья Шэнь и семья Хо рассорились, а Отец Шэнь и Мать Шэнь затаили сильную обиду на Хо Юйсяо. И раз уж он прекрасно знал, что Хо Юйсяо здесь ни при чем, не было никакого смысла вытаскивать улику наружу и лишь

умножать недомолвки.

Шэнь Чэнмянь опустил голову, изобразив смущение:

— Мне просто взбрело в голову, захотелось подняться и посмотреть...

Услышав это, Хо Юйсяо слегка замер во взгляде и пристально посмотрел на Шэнь Чэнмяня.

Однако никто из присутствующих не заметил этой странности. Отец Шэнь и Мать Шэнь не стали сомневаться в словах сына и не решались его сильно рунить. К счастью, обошлось без серьезных трагедий, так что Мать Шэнь лишь с упреком вздохнула:

— Ах ты, ребенок! Захотелось тебе погулять — шел бы с друзьями. В такую темень — и в одиночку, храбрости-то сколько!

Брови Отца Шэнь сошлись на переносице:

— Пусть Мян-мян и вздумал туда подняться по капризу, это дело всё равно нужно тщательно расследовать. Кто запер дверь и какова причина пожара — во всем необходимо разобраться до конца.

Шэнь Чэнмянь поспешно кивнул: по крайней мере, этого поджигателя из числа пушечного мяса необходимо было отыскать.

Подумав о том, что кто-то мог намеренно навредить Шэнь Чэнмяню — независимо от того, было ли это спланировано заранее, — родители не находили себе места. Убедившись, что сын допил кашу, они велели ему хорошенько отдохнуть. Отец Шэнь отправился задействовать людей для расследования, а Мать Шэнь дежурила в палате со вчерашнего дня. Заметив усталость на ее лице, Шэнь Чэнмянь принялся настойчиво уговаривать ее поехать домой и выспаться.

Когда родители ушли, в палате остались только Шэнь Чэнмянь и Хо Юйсяо.

Хо Юйсяо пару секунд молча смотрел на Шэнь Чэнмяня, скрывая затаенную в глубине глаз пронизательность, после чего поднялся на ноги:

— Раз всё в порядке, я пойду. Отдыхай.

— Юй-гэ, — окликнул его Шэнь Чэнмянь.

Произнося это обращение, Шэнь Чэнмянь почувствовал себя немного не в своей тарелке: в реальности ему исполнилось двадцать лет, а теперь приходилось называть старшим братом старшеклассника. Но раз уж первоначальный владелец звал его именно так, оставалось только подчиниться.

— Чего? — Хо Юйсяо приподнял бровь.

Шэнь Чэнмянь достал из кармана записку:

— На самом деле вчера я пошел на шестой этаж потому, что получил вот это.

В глазах Хо Юйсяо мелькнуло удивление. Он бросил на Шэнь Чэнмяня взгляд и только после этого взял бумажку из его рук.

Стоило его взгляду скользнуть по строчкам, как он нахмурился.

Опущенные ресницы скрыли анализирующий блеск его глаз. На самом деле, внешне изображая недоумение из-за записки, мысленно он размышлял о том, почему Шэнь Чэнмянь только что утаил ее от родителей, а теперь вдруг вытащил на свет.

Вообще-то он пришел сюда именно из-за этой бумажки.

Вчера во время спасения он попросту не успел от нее избавиться, поэтому сегодня пришлось лично явиться и проследить за ситуацией — в конце концов, он спасал человека вовсе не для того, чтобы навлечь на себя подозрения.

В прошлой жизни эта записка доставила ему немало хлопот.

Прошел ровно месяц с тех пор, как он переродился. Все события этого месяца шли строго по колее его воспоминаний, и Шэнь Чэнмянь пока оставался единственным непредвиденным отклонением.

В общем-то, это было закономерно: в конце концов, тот Шэнь Чэнмянь из прошлой жизни погиб во вчерашнем пожаре, а значит, дальнейшие поступки нынешнего Шэнь Чэнмяня ему было не с чем сверять. Но почему-то, очнувшись, этот Шэнь Чэнмянь показался ему каким-то другим.

Только что Шэнь Чэнмянь при родителях скрыл существование записки... По его воспоминаниям, прежний Шэнь Чэнмянь ни за что бы до такого не додумался и на расспросы родителей ответил бы сугубо правдиво.

Или у Шэнь Чэнмяня появились какие-то скрытые мотивы?

Если он вздумал плести интриги против него... В сердце Хо Юйсяо промелькнул холодок.

Тогда он сделает так, чтобы Шэнь Чэнмянь пожалел, что вообще не сгорел в том вчерашнем огне.

Пока он погрузился в раздумья, до него донесся голос Шэнь Чэнмяня:

— Кто-то подделал твой почерк, чтобы заманить меня туда. Думаю, вчерашнее происшествие, скорее всего, было направлено против тебя, — голос Шэнь Чэнмяня звучал серьезно. Он не мог напрямую заявить Хо Юйсяо, чтобы тот остерегался Ань Цзыму, поэтому оставалось лишь намеками подтолкнуть его к бдительности. — Только подумай: я пошел на шестой этаж из-за этой записки. Если бы я погиб, главным подозреваемым стал бы ты.

Выражение лица Хо Юйсяо слегка дрогнуло. Он молча смотрел на Шэнь Чэнмяня.

Выходит, Шэнь Чэнмянь знает, что записку писал не он?

Шэнь Чэнмянь решил, что тот пропустил его слова мимо ушей. Мысленно он вздохнул, заключив, что главный герой всё-таки слишком мал и еще не познал всю черноту человеческих сердец. Не удержавшись, он вздохнул еще раз и произнес глубокомысленным тоном:

— Береженного Бог бережет.

Встретившись с его искренним взглядом, Хо Юйсяо на мгновение почувствовал себя странно.

С его точки зрения, человеком, от которого следовало обороняться больше всего, был как раз Шэнь Чэнмянь, ведь этот парень являлся главной переменной.

Помолчав немного, Хо Юйсяо произнес:

— А тебе в голову не приходило, что записку и вправду написал я?

— С чего бы? — Шэнь Чэнмянь отмел эту мысль даже не задумываясь. — Зачем тебе мне вредить?

— Береженного Бог бережет, — Хо Юйсяо вернул ему его же фразу.

Шэнь Чэнмянь на мгновение поперхнулся.

— Ну хорошо, скажи мне, это ты написал записку?

Хо Юйсяо покачал головой:

— Нет.

— Ну вот и отлично, — подумав про себя Шэнь Чэнмянь, что у главного героя, оказывается, имеется склонность к упрямству, и добавил: — Я тебе верю.

Его тон звучал совершенно естественно — так, будто верить Хо Юйсяо было самым само собой разумеющимся делом на свете.

Хо Юйсяо на секунду замер, и в памяти неизбежно всплыла картина из прошлой жизни, когда от него отвернулись все до единого.

Помолчав мгновение, он поднял глаза на Шэнь Чэнмяня и небрежно изогнул губы в слабой усмешке:

— А вдруг и правда я? Вдруг я тщательно спланировал вчерашний пожар, а потом точно рассчитал время, чтобы явиться на помощь — и всё ради того, чтобы вы, семья Шэнь, были у меня в долгу?

Стоило ему улыбнуться, как природная резкость его черт лица значительно смягчалась, заставляя окружающих еще острее замечать его выдающуюся внешность. Шэнь Чэнмянь, застигнутый врасплох столь близкой атакой красоты, на мгновение остолбенел, а затем тоже улыбнулся и послушно подхватил игру:

— И то верно. Столько сил убить на подготовку пожара, трястись от страха, как бы кто не догадался о твоих делах, да так, что не только подпись на записке оставил, но даже почерк поленился сменить! И вчера во время спасения не догадался уничтожить записку, специально оставив огромную улику. Что, жить стало слишком легко и скучно?

С каких это пор Шэнь Чэнмянь стал таким острым на язык?

Хо Юйсяо так загнало в тупик его замечание, что уголки его губ мгновенно выпрямились.

Спрятав записку, он развернулся и направился к выходу:

— Я возвращаюсь на уроки. Сегодняшние конспекты занесу тебе вечером.

<http://bllate.org/book/24805/2934413>